

УДК 316.334.52 + 316.344.233

А.Ю. Рыкун, К.М. Южанинов, О.О. Мельникова**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕДНОСТИ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛОКАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ БЕДНОСТИ**

Представлены результаты исследования, проведённого на территории Томского региона и посвящённого причинам сельской бедности, типологии бедных и стратегиям выживания в условиях бедности. Дан анализ исследовательских стратегий, используемых при изучении феномена бедности.

Ключевые слова: бедность, Томская область, локальное изучение.

Данная статья написана по результатам исследовательского проекта «Сельская бедность в Сибири: структура и основные факторы», реализованного осенью 2005 г. при поддержке фонда «Хамовники». Объектом исследования являлось население Шегарского района Томской области. Выбор района был обусловлен, во-первых, его типичностью, поскольку по основным социально-экономическим показателям он не является ни наиболее преуспевающим, ни депрессивным, во-вторых, географическим расположением района, также срединным: ни в непосредственной близости к областному центру (некоторые из охваченных исследованием населённых пунктов находились более чем в ста километрах от г. Томска), но и не дальше, чем в 2–3 часах езды на автомобиле, в-третьих, готовностью к сотрудничеству со стороны представителей местных органов власти и местного населения.

Приведём некоторые характеристики Шегарского района. Общая площадь составляет 5,03 тыс. км². Административным центром является с. Мельниково, которое находится в 64 км от г. Томска. На территории района находится 37 населённых пунктов и 5 сельских администраций. Численность постоянного населения составляет 22 175 человек. С точки зрения численности населения район относится к средним. Удельный вес в численности населения области 2,1%. По данным за 2003 г., уровень регистрируемой безработицы составил 8,4% (6-е место по области, всего по области уровень регистрируемой безработицы – 4,4%), коэффициент напряженности на рынке труда 7,5 (всего по области коэффициент напряженности на рынке труда – 6,1). Численность работников списочного состава (по кругу средних и крупных предприятий) 3980 чел. (в целом по области – 274772 чел.), средняя начисленная заработная плата с учетом выплат социального характера – 4091,9 руб. (рейтинг – 17) (в целом по области средняя начисленная заработная плата – 10521 руб., напомним, что исследование проводилось в 2004 г., в настоящее время средняя начисленная заработная плата составляет 16 753 руб. (данные на конец 2008 г.)), некоторые другие финансовые показатели также целесообразно корректировать на подобную же величину). Используются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Томской области.

В качестве методов использовались:

1. Анализ документальных данных и вторичных источников (статистических материалов органов внутренних дел, образования, органов социальной защиты и занятости населения, отчетов по уже проведенным исследованиям).

2. Экспертные интервью с сотрудниками социальных служб, представителями местных администраций разных уровней, сельской интеллигенцией (врачи, учителя).

3. Полуформализованные интервью с элементами нарратива с представителями различных групп сельских бедных.

4. Массовый опрос населения.

Предметное поле исследования связано с вопросом о том, что можно рассматривать в качестве основных показателей бедности, каковы качественные и количественные параметры, очерчивающие основные контуры данного феномена. Мы исходили из того, что применительно к России, регионы которой существенно различаются по своим экономическим, социальным, культурным характеристикам, различными стандартами жизни, создание универсального списка таких индикаторов вряд ли возможно и, более того, непродуктивно как в научном, так и в практическом плане. Можно с большой долей уверенности предположить, что в разных территориальных общностях и в различных типах сообществ, характеризующихся разными стандартами потребления, образом и стилем жизни, показатели бедности (да и само содержательное наполнение этого понятия) будут, совпадая в базисных характеристиках, существенно различаться по своим количественным и качественным особенностям. Бедность всегда имеет достаточно четкую пространственную и социальную локализацию.

В этой связи интересным, но малоизученным объектом является феномен сельской бедности. Рассмотрение данного феномена в предлагаемом проекте предполагалось осуществить применительно к локальным условиям сибирского села, на примере одного из районов Томской области. Таким образом, данный проект ставил своей целью изучение основных структурных и качественных характеристик феномена сельской бедности в ее экстремальном варианте, то есть изучение нищеты, и факторов, обуславливающих процесс формирования и развития данного феномена в условиях сибирского села.

Сибирское село переживает сейчас достаточно сложный период своего существования. Проблемная ситуация обусловлена резким снижением объемов сельскохозяйственного производства: сокращением площади обрабатываемых земель, поголовья скота, утратой и разрушением технической базы. Следствием этого стало заметное снижение жизненного уровня, рост напряженности на рынке труда и, как следствие, ухудшение социального самочувствия. Существует тенденция усиления экономической и социальной депрессии сибирского села.

Традиционно в отечественной исследовательской традиции к числу важнейших факторов, определяющих положение сельского населения и выбор жизненной стратегии, относят следующие:

1. Объективные социально-экономические условия, общее положение в сельском хозяйстве.

2. Ситуация на сельском рынке труда, его структурные и динамические характеристики.

3. Материальное положение, уровень, структура и источники доходов населения.

Признавая несомненное значение перечисленных факторов, отметим, что не менее важно, хотя и гораздо менее очевидно, влияние социально-психологических ресурсов и ценностных ориентаций населения. В условиях социально-экономических трансформаций сельское население сталкивается со своеобразным «культурным шоком», разрушением привычных поведенческих паттернов и необходимостью выработки новых. Первые попытки типологизировать стихийно складывающиеся паттерны такого рода позволяют предположить, что на уровне экономических проявлений для сельского населения (по крайней мере, в ситуации Томской области) характерны четыре основных поведенческих стратегии:

1. Инерционная пассивная, выражающаяся в стремлении жить так же, как в эпоху, предшествующую экономическим реформам. Это люди, предпочитающие работу по найму самозанятости и ожидающие решения своих экономических и социальных проблем от местной или государственной власти. Патерналистская политика, проводившаяся в течение десятилетий, сформировала установку пассивного ожидания, боязнь риска и самостоятельности, ориентацию на то, что власть, государство должны решать проблемы, стоящие перед человеком, в том числе проблемы, связанные с поиском работы. Данная стратегия характерна для представителей сельского населения: от сравнительно благополучных и не утративших основных социальных и производственных связей до алкоголизованных и практически не поддающихся социальной реабилитации. Ниже приведены фрагменты из интервью с представителями как тех, так и других.

Женица, около 50 лет:

В: Вот по сравнению с соседними деревнями Монастырка как считается? Более или менее хорошее хозяйство?

О: Ну, раньше более-менее, и работа была и все. А сейчас. Так себе. Беднее становимся, и все.

В: Нам сказали, что примерно 250 дворов здесь сейчас. Если распределить на крепкие хозяйства, средние и бедные, вот какая доля, как бы Вы сказали, крепких хозяйств, какая доля средних, какая бедных?

О: Ну, крепкие, как жили вперед крепкие, директора, там, управляющие – они крепкие. Ну, средние там кто жил, скот они держат так же. А бедный ему не за что, не делит ничего, что ему....

Женица, около 40 лет:

В: А вот как вы думаете, где все-таки легче тогда, в селе или в городе?

О: Мне кажется, в городе намного, намного легче.

В: Почему?

О: Потому что там можно какую-то работу найти, а в селе работу как таковую не найдешь. Если ферму закроют и все, чем вот, людям деваться. Раньше ферма была, хоть как-то, кто-то, где-то работал. А сейчас они что

делают, они выгнали вон, они запиваются сейчас, пьют сильно. Раньше не знаю почему, но мужика так, кажется, не пили.

В: А вообще, как вы думаете, какие вот вы бы назвали главные проблемы сейчас на селе? А вот отсутствие работы вы сказали, а еще?

О: Ну, если нету работы, то нету денег, естественно, нечем платить за ту же воду, за тот же свет. Детям как бы, как сказать, и одевать ребятишек тяжело. Посobie детское, которое 90 рублей, считай, это даже на учебники не хватит, не то, что там на что-то еще. Ему вот (указывает на сына) купить питание детское, это сколько надо. На молоко уходит, если посчитать, 600 рублей в месяц... Проблем в селе много.

Мужчина, около 35 лет:

О: У меня от школы, от администрации дали деревянный дом, в котором я три года прожил.

В: Его приватизировали?

О: Нет, я не знаю, стоит ли его вообще приватизировать, потому что дом находится в таком тяжелом и плачевном состоянии, и сколько раз обращался за помощью в нашу администрацию – помощи я никакой не увидел. Когда я заезжал туда, то мне было страшно, смогу ли я вообще в этом доме жить, полы были провалены. У меня на одну только краску около 3 000 ушло, только на одну краску.

В: Это три года назад?

О: Да, администрация обещала возместить, но по сей день я ничего не увидел, никаких денег за эту краску. Единственное за эти три года они мне выдали штакетник, то есть я сам восстановил забор, а так абсолютно ничего, все я делаю за свои деньги. Полностью была разморожена система отопления в этом доме. Хорошо, просто знакомые переваривали полностью систему, опять же, сварку сам, опять же, трубы сам, все сам делал абсолютно. Ну, и первую зиму.... Первую зиму, скажем так, градусник наверх подымаешь – показывает 30, весь день печку топил, на пол ставил, показывает ноль. А в подполье перемерзли все банки с огурцами, хорошо – я не догадался картошку завезти. И три года я этот дом восстанавливал, восстанавливал, и сейчас это кончается тем, что я переехал жить со всей семьей в квартиру отца, потому что отец здесь бросил хозяйство и поехал на вахту искать работу, более перспективную. Вот, переехал в тот дом, а этот дом, просто-напросто в нем развалилась печка. Я еще по весне писал заявление, сюда, в нашу администрацию, с тем, чтобы они мне помогли восстановить эту печь, но опять же, как горох об стену. Вот и все. То есть администрация никакого усилия не прилагает для того, чтобы, скажем так, деревня росла, чтобы новые специалисты заезжали, – такого нету. Единственное, что, вот, я говорю, попал, и то пригласили. Чтоб откуда-то приезжали специалисты по распределению – нет, нет такого.

В: Владимир Александрович, а вот квартира отца – это двухквартирник, да?

О: Да, это двухквартирник, половинка дома.

В: Вообще, они панельные?

О: Да, они панельные, жуткие дома, потому, что в них все промерзает, они рассчитаны только на центральное отопление, потому что, когда мы сюда еще только переезжали, трубы тянулись для того, чтобы сделать общую котельную, чтобы отаплились.

В: Но не доделали?

О: Не доделали. И дома сделаны очень и очень плохо, потому что, ну, зимой, когда 35 мороза, внешние стены, внешние углы просто-напросто инеем покрываются. Вот такие стоят.

Последний сюжет, о жилье, показателен ещё и по контрасту с фрагментом, приводимым ниже. Речь идёт о тех же самых домах. Однако отношение к условиям проживания и позиции информантов совершенно различные. Отметим, что информанты не только живут в одном селе, но и работают в одной организации.

2. Активная инновационная, состоящая в ориентации на товарные формы ведения хозяйства или иные формы достижения жизненного успеха (например, в виде социальной мобильности, связанной с переездом в город и получением высшего образования, даже обустройством собственного жилья).

Женщина, около 45 лет:

В: По квартирам, мы смотрим, у Вас в основном двухквартирники?

О: Ага, ага.

В: Сколько стоит половинка такого дома? В основном ведь так живут, да?

О: Ага, как деревянные – я не знаю, ну, в среднем 50 тысяч, 60.

В: Деревянные?

О: Да. Ну, они у нас, как, ну, в общем, село старое все равно, а в этом, панельные вот эти дома у нас, там самое малое, ну, это, ну, 100.

В: Ну, их ругают, панельные, все-таки они холодные?

О: Да нет, мы на это не жаловались ни разу.

В: Вот мы разговаривали с Сергеем Викторовичем (имя изменено. – Авт.), поэтому я спрашиваю?

О: Ну, это потому что и расположение у всех разное. Это ж болото у нас было. Вот. И собственные, как говорится, вложения.

В: То есть ремонт?

О: Да, ремонт.

В: Отопление надо было делать?

О: Да, но он еще жалуется, потому что там жили родители же у него, а потом сейчас он заселяется туда, ну, заселился, так скажем. Там, если руки вложить, приложить, они нормальные квартиры. Но труд там большой, конечно, изначально, прямо сразу. А жаловаться? Ну, не знаю.

В: А что там делать надо, вот у него?

О: Что там делать надо? Ну, там, конечно, там нужно делать полностью хороший ремонт. В том плане, что разбить углы изнутри квартиры, их нужно все, как говорится, утеплить, потом все это дело замазать, вот, либо пеной – я предлагала ему уже этот вариант.

В: Из баллона?

О: Да, ну, там у них, конечно. У них ремонт большой, потому что она как бы маленько так неухоженная была, вот,

В: Запущенный дом?

О: Ну, и так я ему говорю.... Да, у нас много таких, где, ну, жалуются, допустим, на квартиры, вот. Либо вот одинокие женщины живут, если женщина, то она все равно не протапливает так, как положено, допустим, ту же печь, это все равно от многого зависит.

В: Экономят?

О: И потом складывается на том, что у нас холодно, там полы холодные или еще что-нибудь. Вот. Я считаю, что свое жилье все равно нужно довести до ума. Конечно, это все, ну, там, расчета из средств. Ну и даже не из средств, все равно какими-то подручными способами можно сделать.

В: Вы вот в таком доме, как он, живете?

О: Да.

В: Сколько топить надо? Два раза в сутки зимой?

О: Вот мы сейчас в данный момент, вот до сего момента топим один раз (интервью происходило в конце ноября, в течение этого месяца температура неоднократно опускалась ниже 23–25. В день интервью температура воздуха была 19 градусов).

В: И держится?

О: Один раз, но не то чтобы мы утром растопил, вечером печку закрыл. Мы после обеда затапливаем, часиков в 9–8 закрываем трубу. А после обеда – это где-то, ну, часа в 4 или в 5, как мы прибываемся все уже с работы, из школы.

(Пришла дочь информантки)

В: И у Вас к этому времени примерно какая температура держится вот при таком морозе?

О: В смысле, когда еще не топлено было?

В: Да.

О: 15 градусов всегда, т. е. шубы, валенки мы дома не носим. Вот. У нас нет кухни в доме, она у нас, так скажем, вне дома, вот, ну, потому, что так расположение, как говорится, не позволяет при таком семействе. Мы построили кухню на улице.

В: Зимой можно пользоваться? Кухню утепленную построили?

О: Да. Она полностью теплая, там печка, мы там кушаем, там все у нас, мы там кушать варим, никаких кастрюль, ни чашек дома нет. Вот. Мы ходим туда и кушаем. Соответственно, в доме печка у нас один раз топится, она внизу у нас, в подвале, вот, мы ее туда опустили и топим оттуда. Вход у нас туда с улицы тоже, в подвал, и топим оттуда. Ну, конечно, я не говорю, что это должен каждый сделать, вот. Но это очень хорошо, у нас теплые полы, у нас ребяташки ходят дома в шортах и босиком.

Позднее мы ещё обратимся к данному случаю, поскольку информантка – инноватор не только в плане обустройства собственного жилья, но и в отношении организации социальных связей, напоминающих стихийные кооперативные формы ведения хозяйства в послевоенных США, когда вследствие невысокого уровня жизни в среде будущего среднего класса и недостатка

бытовой техники и товаров хозяйственного назначения имело место их коллективное использование [1. Р. 9–28]. Речь идёт об использовании частной сельскохозяйственной техники при условии помощи её собственнику в некоторых коммерческих видах деятельности, например заготовке кормов. Есть соблазн связать подобную практику с общинными формами, характерными для дореволюционной России или советских колхозов, но, во-первых, преемственность форм действительно может иметь место, во-вторых, подобного рода стихийная кооперация, отражающая деятельную жизненную позицию, характеризует инновационную, а не атавистическую (псевдоколхозную или псевдообщинную), поскольку развивается в рамках доминирующих отношений частной собственности и рыночной экономики. На уровне описываемого здесь случая воздействие рынка проявляется в том, что кооперация осуществляется, во-первых, на компенсационной основе, во-вторых, в том, что имеет место точная калькуляция усилий и затрат, в-третьих, собственник средств производства работает не только и не столько для односельчан, сколько для получения прибыли (соответствующий фрагмент приведён ниже, в разделе, характеризующем первую категорию экстремально бедных, разумеется, мы не относим организатора производства к категории экстремально бедных).

3. Активная традиционная стратегия, связанная с ориентацией на подсобное хозяйство, натуральное или мелкотоварное. Эта стратегия, пожалуй, является самой массовой, дополняет предыдущую и, как правило, носит вынужденный характер, так как продажа продуктов подсобного хозяйства, сколь бы мелкомасштабным оно ни было, оказывается, зачастую, единственным источником «живых» денег в сельских семьях. Ниже описан случай крепкого хозяйства, состоящего из супружеской пары и двоих детей. Семья имеет несколько голов крупного рогатого скота (КРС), свиней, птицу и занимается производством продукции не только для собственного потребления, но и для продажи на рынке. Имеется свой трактор, с набором сельхозорудий, легковой автомобиль. Живёт семья в половине типового двухквартирного дома, построенного в середине 1970-х гг. Нигде, кроме личного подворья, хозяева не работают уже несколько лет.

Женица, около 50 лет:

О: Я как приехала, так и здесь. Ну, училась в Томске. И сюда попала по распределению. И вот уже 22 года здесь.

В: А что закончили в Томске?

О: Педагогическое училище, музыкальное отделение.

В: Вы музыкальный работник? А сейчас?

О: Теперь домохозяйка, доярка домашняя (смеется).

В: То есть у вас подсобное хозяйство?

О: Да.

В: И еще работаете где-нибудь?

О: Нет, нигде.

В: А муж?

О: И муж нигде не работает. Мы занимаемся хозяйством своим.

В: Ну, дом же у вас очень хороший, да? Вот я смотрю, значит, хватает?

О: Ну, хороший. Хороший, конечно. Хороший. Мы держим много скотины, поэтому.

В: А сколько, много?

О: 4 коровы, 4 телят. Куры, свиньи – все есть. Реализуем продукцию на рынке. Сами.

В: Здесь?

О: В Шегарке (старое название районного центра с. Мельниково. – Авт.). На морозе стою, и зимой и летом. Зимой на морозе на улице. Летом, естественно, теплее, но тоже на улице. Вот. Ну, у нас уже много своих клиентов. Мы это делаем уже 12 лет. Уже этим занимаемся. Поэтому уже свои клиенты.

В: Сколько у вас килограмм стоит, скажем, свинины, в Шегарке?

О: Ой. Ну, на рынке средняя цена, я не знаю, там от 120 до 150. Вот средняя цена, вот от этого выводите.

В: Ну, прилично.

О: Прилично. Мясо дорого.

В: А вы покупаете зерно?

О: Зерно, отруби покупаем.

В: Сколько стоит тонна зерна?

О: Нынче было, мы урвали по дешевке, 1600 (смеется). Тонна. А вообще меньше 2 не возьмешь.

В: А сколько нужно? У Вас 4 коровы, телята. Им же тоже добавляете?

О: Ну, обязательно. Их не вырастишь же без муки.

В: Сколько вам в год надо?

О: Сашка! Сколько зерна в год нам надо? Не знаю, мы покупаем частями, я не знаю. Ну, вот мы сейчас 5200. Муж: Ну, откуда я знаю? Главное чтобы не кончалось бы. Информантка: ...Купили пшеницы, и отруби покупаем без конца.

В: А сколько раз в год вам нужно закупать? Последний раз когда покупали?

О: Вот мы неделю назад. 5 тонн 200 пшеницы взяли. И отрубей уже, наверное, мешков около 50.

В: Точные данные никогда не говори. Примерно говори.

О: Я точно и не знаю (смеется). Муж: Лазутчики, может быть.

(все смеются)

В: Лазутчики и есть. Кошки шикарные у вас (во время разговора в комнате присутствуют три кошки: сибирская, персидская и балинезийская).

О: У нас четыре штуки. Пятая померла недавно (смеется). Было много. У нас всего много. Вот.

В: Есть крыски? Или они (на кошек) у вас декоративные?

О: Ну, неужели нет в деревне. И крыски и мышки. Но они у нас не хотят их ловить (смеется). Они у нас для интереса тут. Для любви (смеется).

4. Маргинальная стратегия. Этот термин обозначает достаточно большую группу людей, практически не выходящих на рынок труда, в лучшем случае перебивающихся случайными заработками, в том числе незаконными, либо живущих на различные пособия. Очевидно, что данная стратегия носит

дезадаптивный характер. Ниже приведены фрагменты интервью как с самими носителями маргинальной стратегии, так и с односельчанами, поскольку сами маргиналы говорят о себе и о способах добычи средств к существованию не слишком охотно.

Односельчанка (женщина, около 40 лет):

В: А вот есть те, которые действительно, ну совсем нищие? Есть такие люди?

О: Есть, конечно.

В: Много их на селе?

О: Ну, одна-две семьи.

В: Понятно, а они за счет чего выживают, если зарплат нет?

О: За счет воровства.

В: А что воруют-то?

О: Все, что плохо лежит.

В: Ну, например?

О: Да, Господи...

В: Картошку могут в поле выкопать?

О: Ой! И картошку из погребов вытаскивают, и со стоек воруют, все. Даже и кастрюли, и все на свете.

Носительница маргинальной стратегии, женщина около 50 лет:

В: А вообще, как здесь народ пытается заработать?

О: Ну, так, подкальмишь, кому-то что-то поможешь.

В: А вот где что можно делать?

О: Где копаешь весной, где картошку садишь.

В: То есть вы раньше таким вот образом – где-то что-то.

О: Ну, вот так вот. Скотину когда держишь, скотину сдашь. Там что-то...

В: Вы это делали, сдавали скотину?

О: Ну, было дело, конечно.

В: А кого выращивали? Бычков или свиней?

О: Свиней.

В: А сейчас птицу держите?

О: Не-а.

В: То есть сейчас вы вообще не держите?

О: Вообще не держим. Да, сейчас опасно.

В: Что, воруют?

О: Не, болеют.

В: А, птичий грипп вы имеете в виду?

О: Ну.

В: А чушек держите?

О: (качает головой «нет»)

В целом нужно отметить, что на уровне субъективного мироощущения наличная ситуация порождает у значительной части населения чувство бесперспективности, заброшенности и собственной ненужности. Можно предположить, что, помимо условий жизни, которые могут быть изменены с помощью экономических мер, названные позиции определяются состоянием

социально-психологических ресурсов, а также ценностных ориентаций (их наличием, утратой, эрозией или трансформацией).

В структуре социально-психологических ресурсов (понимаемых как капиталы) выделяют [2, 3] следующие составляющие:

– **когнитивные** (знания, навыки и компетенции, способствующие адаптации или дезадаптации к трансформирующимся условиям),

– **коммуникативные** (в том числе вовлечённость в локальные сети, эмоционально-психологическую насыщенность, наполнение коммуникативного пространства, порождающее чувство интегрированности, включённости либо, наоборот, эксклюзии),

– **мотивационные** (характер, структура и направленность мотивации; с точки зрения характера мотивация делится на традиционную (воспроизводство существующих практик) и инновационную; по сферам жизнедеятельности мотивация может быть семейной, производственной, досуговой и т.д.

– **ценностные** (в том числе религиозность, например «активизм» протестантского типа)

– **проективные** (наличие артикулируемых жизненных перспектив и отношение к ним (например, в модусе «оптимизм – пессимизм»)).

Как отмечалось выше, проблемное поле данного исследования связано с выявлением и анализом объективных и субъективных факторов, определяющих состояние социально-психологических ресурсов. Представляется, что существенным фактором, влияющим на эти ресурсы и выбор жизненной стратегии, является состояние депривации, а применительно к носителям маргинальной стратегии можно говорить о действии механизмов социальной эксклюзии. В теоретическом аспекте исследования проблем социальной депривации и эксклюзии представлены в современной науке несколькими парадигмами.

Теории *underclass*'а, активно разрабатываемые в западной науке, особенно в британской и американской традиции в 60–70-е гг. XX века. С точки зрения структурно-функционального подхода существование низшей страты, к которой относятся бездомные, обусловлено функциональной потребностью общества. Как функционирующий механизм общество должно определить место своих членов в системе социальных положений и побудить их выполнять обязанности, связанные с этим положением. Оно должно гарантировать стимулирование на двух уровнях: внушать своим членам желание занять определенное положение и занявшим это положение – желание выполнять связанные с ним обязанности [4]. Таким образом, индивиды и группы, находящиеся в положении абсолютной или относительной депривации, выступают в роли «социального пугала» и своеобразной гарантией существования более высоких статусов. В обществе достижительного типа они являются живым примером действия отрицательных привилегий и санкций, их существование становится одним из стимулов к захвату (достижению) более высоких статусов и выполнению соответствующих занятому положению обязанностей, а также соблюдению конвенциональных норм.

Основная идея заключается в том, что *underclass* воспроизводит сам себя через социализацию, проходящую в бедности, а также через отсутствие подходящих ролевых моделей.

Теории «культуры (субкультуры) бедности». Наиболее известным является объяснение культуры бедности Оскаром Льюисом [5], считавшим, что бедность – это стиль жизни, передаваемый из поколения в поколение, реакция бедных на их маргинальное положение в обществе. По его мнению, для бедных характерны такие отношения и поведение, которые порождаются опытом жизни в бедности и представляют собой попытку выжить и смириться с очень ограниченными перспективами и средствами. Такое поведение, будучи однажды принятым, развивается в самовоспроизводящуюся субкультуру, играющую впоследствии причинную роль в неблагоприятном положении следующего поколения.

Женищина, около 50 лет:

В: А вот среди бедных выделяются такие, особо... Крайне бедные?

О: Да есть они. Как сказать, (не понятно) выпивают.

В: Пьют все?

О: И пьют, и, короче, кто как живет.

В: А вот как они выглядят, что они собой представляют?

О: Ничего не садят там, ничего не это...

В: А как живут-то, за счет чего?

О: Не знаю, за счет чего. Кальмят, наверное, тоже где-то.

В: Ну, вот соседка ваша, скажем, за счет чего живет?

О: А, тоже картошку садит, где-то свеклу, там. И все.

В: И все?

О: Ну, так, муж, наверное, что-то приносит. Муж, если кальмит, то что-то.... Ну, вот сейчас его нет, по-моему. Ребятишки там колют (дрова. – Прим. инт.). Мальчик там по домам ходит часто.

В: Старший?

О: Ага.

В: И сколько ему?

О: А я не знаю, 16 лет, наверное, еще.

В: А он такой уже.

О: Ну, 15 лет, наверное, ему.

Ценности, ориентации, свойственные андеклассу, формируются в особую «культуру бедности», которая является объективным фактором, задающим уже с раннего возраста основные контуры жизненного сценария. Как пишет О. Льюис, «к тому времени, когда дети трущоб достигают шести- или семилетнего возраста, они, как правило, уже впитывают основные ценности и отношения своей субкультуры, и они не настроены на то, чтобы целиком воспользоваться изменяющимися условиями или улучшающимися возможностями, которые могут им встретиться в жизни» [6]. Применительно к фрагменту, приведённому выше, вывод Льюиса означает, что старший сын хозяйки не только с подросткового возраста втягивается в маргинальные способы заработка, но и не может использовать заработанное для того, чтобы обеспечить какие-то возможности для собственного выхода из экстремальной бед-

ности. Во-первых, он должен содержать пьющих родителей и не распоряжается заработанными деньгами полностью, во-вторых, зарабатываемая им сумма чрезвычайно невелика, в-третьих, его возможности ограничены в силу таких факторов, как проживание в сельской местности, расположение села вдали от крупных населённых пунктов с развитыми производствами, отсутствие работы и учреждений профессионального образования в селе и невозможность переезда в другой населённый пункт.

Теория социального исключения (социальной эксклюзии), основы которой были заложены в 70-е гг. XX века в Великобритании и Франции. Несмотря на то, что проблематика бедности и социальной эксклюзии сравнительно недавно стала предметом внимания отечественных исследователей, к настоящему времени имеется достаточно много серьезных научных исследований на эту тему (можно назвать работы: «Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению» [7], Овчарова Л.Н. «Бедность в России» [8], Тихонова Н.Е. «Феномен городской бедности в современной России» [9], Тихонова Н.Е. «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» [3], а также работы Н. Римашевской, М. Красильниковой, Н.М. Давыдовой, Ф.М. Бородкина и др.).

Сам термин «эксклюзия» подразумевает наличие групп или общностей, в определенном смысле находящихся за пределами основного общества, однако относительно природы и причины такого ее исключения согласия еще не достигнуто. Некоторыми исследователями (М. Вольф) эксклюзия рассматривается как «относительная депривация». Соответственно, выделяется эксклюзия от средств к существованию, эксклюзия от социальных услуг и социальной безопасности, эксклюзия от возможности понимания происходящего и т.п. [10]. По мнению Ч. Гора и П. Таузенда, эксклюзия является результатом социального конструирования, определенного принудительного социального порядка, направленного на исключение из системы социальной солидарности отдельных индивидов и групп, что зачастую выражается в прямой дискриминации [11, 12].

В этой связи примечателен комментарий, сделанный социальным работником по поводу одной из обследованных семей, и контекст комментария.

Село Каргала, расположенное на расстоянии 80 км от областного центра и 16 от районного. Два дома напротив друг друга – по отзывам сопровождавшего нас социального работника – бедные семьи. Вообще, этот угол деревни считается достаточно запущенным. Дорога разбита и почти не чистится, дома в плохом состоянии. Живут, преимущественно, люди небогатые и неблагополучные. Тем не менее, и среди них и в отношении к ним представителей социальных служб и сельской общественности есть различия. На одних «махнули рукой», другим имеет смысл помогать. Последняя категория представлена обследованной семьёй. Эксперт неоднократно отмечала усилия, предпринимаемые информантом по улучшению своего положения. Такие усилия, выражающиеся, прежде всего, в активных, по сельским меркам, поисках работы, не дают желаемого результата вследствие внешних, структурных обстоятельств: наличие маленького ребёнка, отсутствие необходимого образования, состояние местного рынка труда. Однако

сам факт наличия попыток выбраться из нищеты, хотя бы не скатиться ниже, желание «карабкаться» вызывает сочувственное отношение.

У входа в дом лает собака. В окно выглядывает девочка лет пяти. Прихожая очень узкая. Двери (видимо, как обычно в деревне, открыты). Дом давно не красили. Дома не убрано: пол грязный (пыль, грязь), в комнате разбросана разорванная бумага, на зеркале помадой нарисована фигурка сердца (видимо, уже давно, т.к. тускло). Хозяйка на входе сказала, что она как раз делает уборку. Дома дети: мальчик информантки и девочка подруги. Во время интервью сидели в комнате на диване. Кошка-подросток.

Дом: 2 комнаты, кухня. Деревянный. Дома немного прохладно. Цветной телевизор советского времени, по всей вероятности, неисправный. Общая площадь квартиры 36 кв. м.

Во время интервью в гости приходит мать хозяйки, которая живет недалеко. Мать участвует в разговоре. Хозяйка в ответ на наше замечание о том, что в доме нежарко, но печь тёплая, говорит: «Печка теплая, но дом холодный». Печь в доме (называют «плита»). У матери хозяйки русская печь («у нас даже с Ташкента приезжали, фотографировали печку»).

По разговорам похоже, что накануне был муж, вчера уехал.

Мать спрашивает социального работника, когда у неё будет прием («А то я нашла документы все остальные»).

Комментарий социального работника (женщина, около 45 лет):

Дом напротив.

О: Хотела вас еще в эту семью сводить. Но нет их. Вот все истопили: гараж, дом. Вот видите, здесь был гараж, прежние хозяева были, там были стайки. Все истопили. Она вон откуда-то дров привезла. Так топиться будет, таким образом (т.е. дров во дворе очень мало. – Авт.).

В: Кто живет там?

О: Здесь живет молодая женщина. Мама у нее весной умерла. С одним ребенком. Одного ребенка забрал отец. Он в городе, ой, в Мельниково, воспитывает. А один ребенок с ней. Он в Победе, в вспомогательной школе. Поэтому хоть это спасает, что он сытый постоянно и....

В: А так ребенок голодный был?

О: Да, практически, я бы хотела вам ее показать.

В: А где она может быть?

О: Где-то здесь болтается по деревне. Конечно, где-то.

В: Она пьет?

О: Конечно. Вот это вот мама, которая к Ане (имя нашей информантки изменено. – Авт.) зашла. Аня не пьет вообще. Этой семье мы, стараюсь я, и материальную помощь ей по возможности оказываем. Муж ей, конечно, достался очень, очень непутевый.

Отметим фразу «этой семье мы... материальную помощь по возможности оказываем». Дальнейший диалог демонстрирует сочувствие к информантке, несмотря на критические замечания, и отсутствие такового к её соседям. Продолжение разговора:

В: Вообще-то дом нормальный. Вот если его поддерживать еще.

О: Это еще было бы желание. Она целый день дома. Вот чем она занимается?

В: А у нее, с другой стороны, с чего начать?

О: Апатия вот у нее, конечно.

В: Ремонт делать – это все равно какие-то средства вложить.

О: Да даже не ремонт. Элементарно все подобрать и убрать. Нет особого желания. Но живут, да. Это реально у них доход у них – детское пособие.

В: А здесь не топлено, наверное, да? (про соседский дом с промерзшими окнами).

О: А здесь, естественно. Когда ей топить, они вон, вязанку принес дров и всё.

Напомним, что посещение деревни состоялось в ноябре, когда любому хозяйству с печным отоплением полагается иметь как минимум машину дров – на ближайшее время. Во дворе, о котором идёт речь, никакой поленницы не видно, но неподалёку от входа в дом брошено несколько поленьев.

В следующем фрагменте описан процесс распределения сельскохозяйственных кредитов, в котором также ярко проявляется действие механизма социальной эксклюзии:

Информант – мужчина, глава сельской администрации, около 50 лет:

В: Михаил Иванович (имя и отчество изменены. – Авт.), вот нам в Мельниково говорили, что многие берут еще ссуды там... Хозяйство, если не самое богатое, ну, вот... скажем, кто-то работает в бюджетной сфере, кто-то сидит дома, ну, где-то так получается живых денег тысячи 4–5 на семью из 4 человек. Скажем, детям надо в школу идти, они берут ссуду на год. У вас много таких?

О: Ну, это не для детей берут ссуду. Есть по целевой программе «Развитие личных подворий». Работает такая программа, она в области, в том числе и в Шегарском районе. Выдаем и как бы через районную и через сельские администрации на развитие подворий вот эти кредиты. Распределяем. Распределяет их совет согласно поступающих заявлений, мы это отслеживаем. На совете рассматриваем, допустим, человек, способен...

В: Воспользоваться грамотно.

О: Воспользоваться и вернуть, самое главное. Мы же не говорим, что он должен взять эту ссуду и развить свое предприятие, там, за 10000, допустим. Но хотя бы по целевому назначению использовать, чтобы не купить телевизор, там, не купить... швейную машину, еще что-то там бытовое, а чтобы хотя бы отремонтировать хозпостройки свои, допустим, закупить корма. Или, там, отремонтировать технику или... приобрести, там, молодняк для выращивания, там, птицы, крупного рогатого скота и так далее. И выдаем эти ссуды на год-полтора, под 3 процента. Выдавали! Сейчас это, как бы, решением губернатора изменена система выдачи таких. Все будет кредитоваться через, значит, у нас... кредитный кооператив «Наш путь» в Шегарском районе, может, слышали?

В: Нет.

О: Вот, они, как бы, привлекают людей со своими взносами. Эти деньги под проценты они берут, и тут же эти деньги выдают людям, как бы, кредитуют. Там, единственное что, условия хорошие, что мне нравится, это на доверии, не надо этих... кучу поручителей, не надо время терять, а это быстро делается. Потому что на селе уже знают через сельскую администрацию. Достоин человек? Достоин! Вот, узнают, и сразу ему кредитуют. Если приходит, допустим, семья, мы знаем, что они вот этими деньгами не могут пользоваться. Даже какие-то у них бывают поступления, там, ну, допустим, получил декретные, там, несколько тысяч, да? Ну, не в дело, а вот их расфукают, там, через магазины, часть пропьют, часть еще. Все, ничего нет. И тут же идет просить кредит: я вот то куплю, я то разведу. Но мы таким не верим поэтому. Мы за них несем ответственность и отказываем. Ну, то есть, как бы, деревня – все на виду.

В своём исследовании мы исходили из следующей гипотезы: экстремальная бедность (нищета) связана с эксклюзией. Однако наполнение понятия «эксклюзия» или «исключённость» релятивно. Так, обладатель крепкого подсобного хозяйства, который практически не оперирует наличными деньгами, является «исключённым» в сопоставлении с жителем областного центра, но не считает себя таковым и не выглядит таковым в глазах односельчан.

Примером может быть обследованное нами крепкое «натуральное» хозяйство из села Кургала. Данная семья уже много лет не имеет оплачиваемой работы вне личного подворья, но относительно небольшого производства хватает для обеспечения приемлемого уровня жизни. Однако «запас прочности» данной семьи невелик. Его фундамент – это, прежде всего, здоровье обоих супругов, их трудовые навыки, которые позволяют не только ухаживать за животными и огородом, но и поддерживать в рабочем состоянии новую технику, связи и положение в местном сообществе, позволяющие, в частности, относительно выгодно закупать корма, ГСМ и реализовывать продукцию, низкие цены на газ, поскольку дом газифицирован. Определённую роль играет близость к районному центру (около 15 км) и хорошее состояние дорог. Однако названные ресурсы не дают возможности значительно улучшить положение данной семьи в обозримом будущем, речь идёт о простом воспроизводстве с 12–14-часовым рабочим днём, семидневной рабочей неделей и отсутствием каких-либо отпусков и праздников.

Таким образом, понятие «нищеты» может гипотетически иметь несколько «наполнений»: на уровне областного центра, на уровне районного центра (причём относительно депрессивных и относительно благополучных районов эти наполнения также могут быть различны), на уровне различных сёл. Можно предположить, что количественный рост числа экстремальных бедных может быть фактором формирования субкультуры бедности.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

1.

Бедность не столько локализована в отдельных населённых пунктах, сколько диффузна. Иными словами, применительно к Томскому региону нельзя пока говорить о чётком пространственном зонировании бедности: «бедная деревня», «богатая деревня», такое деление только намечается. Экс-

тремально бедные домохозяйства вкраплены в достаточно благополучные поселенческие общности. В то же время в районных центрах и крупных сёлах условия выживания более благоприятны: легче найти работу, ближе органы соц. защиты и службы занятости, имеются детские учреждения и школы, более дешёвые продукты.

2.

Поэтому установить жёсткую зависимость между объективными социально-экономическими факторами и попаданием в ситуацию экстремальной бедности не всегда возможно. Такая зависимость носит вероятностный характер. Такие факторы, как кризис сельскохозяйственного производства, дефицит рабочих мест на селе, резкий рост расходов на ЖКХ и их относительно высокая стоимость, по сравнению с городом, носят универсальный характер. Они в равной степени воздействуют на всё сельское население.

В то же время разные домохозяйства (семьи) и отдельные индивиды демонстрируют различные модели поведения: например, использование потенциала натурального (мелкотоварного) хозяйства либо отказ от такого использования и крайняя пассивность. Семьи (индивиды), находящиеся в одинаковых условиях депривации, в одном случае деградируют и становятся нищими, в других не только не деградируют, но даже обеспечивают определённые (стартовые) условия для роста. Так, в описанном выше крепком хозяйстве из с. Каргала родители могут обеспечить дочери обучение, пусть заочное, в Юридическом институте ТГУ. Они готовы участвовать в переезде ребёнка в город и последующем обустройстве там. По их мнению, оставаться в родном селе для молодой девушки не имеет смысла. Другой пример – преуспевающее фермерское хозяйство из совершенно «бесперспективной», по мнению одного из информантов, деревни.

Информант – мужчина, глава сельской администрации, около 50 лет:

О: Есть у нас семья, такая интересная семья была Корецких (фамилия изменена. – Авт.). Хозяин сейчас живет в Мурёнке. Занимается крестьянским фермерским хозяйством.

В: Это тоже в вашем округе?

О: В нашем округе, да, в Муренке. Ну, это, как бы, отсюда 20 километров туда... Экологически чистая зона. Там уже, так, живут пожилые люди в основном. Ну, проблем для нас не создают никаких, как-то там никогда ни пьянство не процветает, никаких ссор оттуда не выносятся, они сами. Мы сход проводим, они, там, придут, пар спустят друг на друга, на нас, ну и так и продолжают жить.... Очень много пенсионеров, но, вот, сильно занимаются своим подворьем. Ну, вот, здесь Корецкий. У него жена Галина Ивановна, с высшим образованием агроном. Он механизатором здесь работал. Он сам оттуда, с тех мест. Ну, вот, ему пришла в голову мысль: «Поеду туда». Как бы, тут не фонтан такая чтобы цивилизация, как бы, да? Ну, еще вглубь поехал, чтобы заниматься крестьянско-фермерским хозяйством. Накупил техники. Ну, постройки деревянные в основном, не сказать, чтобы, там, дворцы, там, двухэтажные. Ну, создал себе базу такую элементарную и, вот, с женой, с детьми там занимается.

В: Дети? Сколько у него?

О: Да. Ну, уже взрослые дети у него. Два сына, дочь.

В: И с ним живут?

О: Ну, сыновья с ним. Он занимается, готовит корма, занимается картошкой, держит скота много: и КРС, и свиней, и сейчас у него, как бы, программа – занялся разведением лошадей. Больше 10 только кобыл.

В: Племенных?

О: Да.

В: О-о.

О: Завез тяжело-... эту, тяжеловозную породу. Потому что сегодня, как бы, мясо, конина пользуется спросом большим, уход самый элементарный. Ну, вот, у него душа позвала туда. Жена с высшим образованием, он, сказать так, человек не забитый, но, вот, решил туда. У него легковой автомобиль – 2: Жигули и УАЗ. Тракторов 4 единицы. Ну, и скота. Сельхозмашины у него, там, набор. Я с ним заключаю договор, допустим, по содержанию в зимний период. Улицу он мне очищает, я с ним рассчитываюсь.

В: В том селе?

О: Да... Живет безбедно.

В: А он нанимает рабочих?

О: Ну, в основном, не знаю, может, сезонно, что-то там, знаете, скот забить помочь, когда у него, там, идет массовый забой, там, что-то продает. Сейчас взял лесобилет, 250 кубов, занимается лесом: готовит, продает.

В: Готовит до какой степени, кругляк продает?

О: Ну, березу готовит, там, на продажу.

В: А, то есть на дрова березы?

О: Нет, нет. Приглашает КамАЗ, возит в город, это, реализует. Китайцам, там, или кому, я не знаю.

В: Понятно.

О: Вот это вот крепкий хозяин, который стоит на земле и который думает. Но не сказать, что он богатый, но... живет.

3.

Можно условно выделить следующие **категории (экстремально) бедных**.

Первая категория сельских бедных – это люди, объективно находящиеся в состоянии депривации (ограничение потребления, ограниченность возможностей для получения или увеличения социального капитала). В то же время данная категория обладает определённым минимумом ресурсов (подсобное хозяйство, собственные руки, включённость в социальные сети), позволяющих обеспечить условия выживания. В приводимом ниже фрагменте описываются такого рода неформальные отношения: в селе есть два наиболее зажиточных хозяйства, располагающих разнообразной сельхозтехникой, транспортом, торговыми точками. К исполнению основных сельхозработ хозяева привлекают не наёмный труд, а труд «близких по духу» людей, тоже, как правило, активных, ответственных и самостоятельных, компенсируя их затраченные усилия участием в выполнении работ, необходимых уже этим людям. Ниже приводится описание упоминавшейся выше стихийной формы

кооперации, помогающей решать бытовые и хозяйственные проблемы в рамках товарной экономики с учётом локальных ограничений.

Женщина, около 45 лет:

О: У него трактора, у него хозяйство. Внаем у него никто не работает.

В: То есть сами?

О: Сам. Ну, и, допустим, если окружение у него такое есть, ну, т. е. он также сено готовит им, убирает, у него там рулонники, косилки, все, ну, там в этом.... Если он нам косит, то, соответственно, муж помогает ему в ремонте, т. е. там костяк такой небольшой есть, но это все на взаимосвязи держится.

В: Без денег?

О: Без. Он косит, мы ему помогаем, вот так.

В: Взаимопомощь?

О: Да. Там ни оплаты, ничего только единственно на отношениях. Большое у них хозяйство. И подворье, они молоко перерабатывают и – в город, берут еще параллельно чье-то. Небольшой костяк тоже в этом плане есть. И вот они открыли частный магазинчик, он еще сам закупает товар, сам привозит, т. е. никто внаем там не работает. Сами на себя, как говорится, работают и обрабатывают сами себя.

На фото виден трактор и некоторые надворные постройки, иллюстрирующие пример крепкого хозяйства

Причина отличий – деятельность или отсутствие таковой. Именно на деятельную категорию, представляющую средний сельский слой (бедные по

уровню дохода, сопоставляемого со средним доходом по области), и должны быть направлены усилия по экономической поддержке (кредиты).

Вторая категория – это экстремально бедные, не обладающие указанным выше минимумом ресурсов либо неспособные его активировать. Эта категория делится на две подгруппы. **К первой подгруппе** относятся семьи, бедность которых обусловлена объективными факторами: медицинскими (инвалидность), демографическими (возраст, отсутствие детей: одинокие пенсионеры) или иными. Примеры: одинокая мать с детьми, либо переселенец без родственников, либо сокращённый на работе и больной механизатор-мигрант. Ниже приведён фрагмент интервью с представителем данной категории. Объективные обстоятельства – мигрант, не имеющий также стартового капитала – усугубляются пассивной позицией, выражающейся в нежелании самостоятельно улучшать условия собственной жизни, например жильё (сопоставление фрагментов в начале статьи), в отсутствии стремления к самозанятости, помимо абсолютно необходимого подсобного хозяйства.

Мужчина, около 45 лет:

О: Мы переехали из Казахстана сюда в 1990 году, потом школа, потом учеба незаконченная, потом армия, после армии учился заочно, заочно заканчиваю. Прихожу сюда, работаю в организации, зарплата не устраивает, ухожу сюда в школу, но должность далеко не учителя, далеко даже, а в должности кочегара. А потом пишу заявление: «Прошу перевести меня из кочегаров в преподаватели-организаторы ОБЖ». У меня образование – сельхозтехникум закончил, то есть у меня “механизация сельского хозяйства”, техникум закончил. А сейчас на заочном в Томском государственном педагогическом институте.

Мы когда приехали, разница была – как небо и земля по сравнению с Казахстаном. Когда мы переехали сюда, я просто был удивлен тем условиям жизни, потому что они здесь были гораздо лучше, чем там. Мне понравилось, что сразу переехали в благоустроенную квартиру, не считая, что отопления центрального нету, а так и вода в доме, и все, нам это понравилось. Мне показалось, что она довольно хорошая, крепкая, устойчивая. Свой маслозавод стоял, своя кондитерская фабрика была, т. е. перспективной нам показалась, поэтому мы сюда и переехали. Хотя также ехали не то чтобы там, набум: приехали в первое село – и заселились. Нет. Ездили по деревням, смотрели тоже: где как, но остановились почему-то на этом. Больше понравилось в этом селе.

В: С тех пор изменилось что-то?

О: В худшую сторону. Маслозавод закрылся, хозяйство не один раз было объявлено банкротом. То есть маслозавода не стало, кондитерского цеха, ничего не стало. Попытка восстановления (цеха или церкви?) тоже тут закончилась плачевно. То есть был клуб в здании церкви, потом клуб оттуда убрали, здание сгорело. Опять же, школа не соответствует ни одному требованию норм безопасности, т. е. старая школа тоже была деревянная, спортзалы сейчас отсутствуют, стадион разрушен. В таком упадочном состоянии. Желания здесь жить, честно, нету. То есть сейчас меня здесь держит только то, что я учусь в университете, потому что я попал туда

по направлению. Если я сейчас уйду из школы, меняю работу, то мне придется платить за университет, за сессии.

Улица выглядит вполне нейтрально, но работы, помимо бюджетной сферы и личного подворья, действительно нет

Представители вышеописанной категории (бедные вследствие объективных факторов) нуждаются в экстренной социальной помощи, включая материальную, и в особых программах социальной адаптации, например помощь в получении образования их детьми. Поэтому для обозначения данной категории целесообразно использовать термин «зависимые бедные».

Описание такой семьи, данное экспертом (директором школы). Интервью происходит в районном центре, которое считается богатым и достаточно благополучным селом:

Женщина, около 55 лет:

О: Да половина таких. Я вот сужу по своим соседям, люди просто живут из последних сил. Вот кто не пьет, кто работает, по тому, как они работают, они жить должны очень богато, но живут на грани. Постоянно в долгах, постоянно от одной ссуды к другой, только бы как-то прожить, только бы как-то продержаться.

В: Вот ссуды, в городе живут, берут, ну это называется сейчас «автокредиты», ипотечное кредитование, здесь ссуды берут?

О: Здесь берут для того, чтобы купить холодильник, купить пальто там, одеть детей к школе, в основном такие вот. Здесь не берут таких ссуд

за 100 тысяч, берут, для людей 15 тысяч, для средних таких по имущественному положению, 15 тысяч – это уже для них большая ссуда.

В: За какое время примерно могут рассчитаться с такой суммой?

О: Примерно за год. В основном и берут люди на год.

Ко второй, самой неблагополучной, экстремально бедной подгруппе относятся социально деградировавшие, как правило, алкоголизированные семьи. По своим социально-демографическим показателям не отличаются от группы «благополучной» или деятельной бедности. Однако для данной группы характерно: в объективном измерении – отсутствие возможности регулярного удовлетворения базовых витальных потребностей, в субъективном – социально-ролевая дезадаптация (отсутствие или утрата навыков, необходимых для выполнения базисных ролей, например семейных), формирование установки зависимости, неумение ориентироваться даже в рутинных житейских проблемах и выстраивать коммуникацию с окружающими. В конечном счете такой вид бедности можно рассматривать как один из путей к социальному исключению.

Женщина, около 50 лет:

В: Полина, а вот, в принципе, у вас типовой дом?

О: Почему, он обычный.

В: Я и говорю, стандартный. Он теплый зимой, нет?

О: Не-ет. Там эти, все отдушки, все сгнило под окнами. Этими оббиты, как их, ДВП. А все равно холодно. Потому что надо будет все равно отделить все, переделывать все.

В: Вы все время этим занимаетесь, да?

О: Ну, вот в летнее время. Вот так вот переделала, где щели.

В: Вы вообще ремонт капитальный давно делали?

О: Давно, конечно.

В: Сколько примерно?

О: Года два, наверное.

В: Года два. А что меняли, полы меняли?

О: Так, подкрашивали.

В: Подкрашивали пол?

О: Пол, там ремонтировали. Особенно труба, это, стоит. Там дырка такая, закладаешь, закладаешь, она все равно... Снег тает, течет. У нас опадает. И вот мажешь, замазываешь. Но это все гниет. Плохо пристает.

Экспертное описание подобных домохозяйств:

Мужчина, около 55 лет, глава администрации села:

В: Конечно... Михаил Иванович, вот, если, скажем, какую-нибудь из таких семей охарактеризовать, вот, примерно, как выглядит дом, как выглядит внутри, если можете рассказать, состав семьи. Вот это, скажем так, к портрету конкретного бедного домохозяйства, вот именно в этой деревне.

О: Ну, если вот подойти, не заходя даже в дом, только подойти к усадьбе, уже видно, что из себя представляет хозяин и семья. Если забор покосен...

В: Если он есть еще.

О: Если он есть, да. А если он, там, никогда не ремонтировался, если возле усадьбы все захламяно, то уже не входя, уже можно (понять), что из себя представляет хозяйство. В таких хозяйствах, обычно, минимальное количество запасено топлива, допустим, дров. Они стараются или чего-то старье разобрать, ходят тут какие-то постройки старые всю зиму рушат. В этих хозяйствах, как правило, хозяйственные постройки в таком ветхом состоянии, которые также никогда не ремонтируются, не доходят руки просто. Скот-то негде содержать по большому счету. В таких хозяйствах, как обычно, в летний период, даже если они занимаются овощами, обычно это все не прополоно, не ухожено. Как бы, по минимуму: посадили картошку и забыли о ней до весны, до осени, вернее. А осенью – что бог дал.

В: Ну, хотя бы окучивают ее?

О: Ну, хоть... вот именно, что и не полят и не окучивают. Вырастают сорняки, а потом соседи к нам идут, жалуются, потому что эти сорняки осенью все перелетают на соседнюю территорию.

В: То есть не окучивают ни разу?

О: Есть такие, что нет. Не окучивают ни разу.

Весьма примечательным фактом, выявившимся в ходе исследования, было то, что в большинстве случаев к группе экстремальной бедности (ко второй) относятся люди среднего и молодого возраста, не имеющие врождённых и хронических заболеваний (за исключением алкоголизма). К данной категории относится информантка, фрагмент интервью с которой приведён выше. Но зачастую это мужчины, служившие в армии, имеющие семью, детей, достаточный уровень образования (от общего среднего до среднего специального) и профессиональную квалификацию.

Здесь мы воздержимся от рекомендаций и лишь констатируем, что с точки зрения социальной работы, эта категория чаще других является объектом негативных санкций, например лишения родительских прав, отключения электричества и т.д. Социальная реабилитация данной категории является весьма проблематичной, хотя и теоретически возможной. Однако отождествлять понятие экстремальная бедность (нищета) с алкоголизированными семьями неправомерно. Корректно будет квалифицировать как экстремально бедные все семьи, неспособные изменить собственные жизненные условия без внешней помощи. Пьянство – это фактор, усугубляющий положение экстремально бедных семей, способствующий закреплению в ситуации экстремальной бедности и легко поддающийся внешней фиксации.

4.

Критерием различения бедности и экстремальной бедности является способность улучшить условия жизни своей семьи собственными силами. Внешними признаками являются специфические особенности домохозяйства, которые отражают в том числе некоторые глубинные психологические трансформации. Ситуация бедности, а особенно бедности экстремальной, характеризуется специфической организацией пространства жизнедеятельности. Условно это пространство может быть разделено на два «измерения».

Во-первых, **физическое, предметное измерение**. Речь идёт, в частности, о таких локусах жизнедеятельности, как дом и прилегающая территория.

Критерием «нормальности» пространства является его наполненность объектами, обеспечивающими функциональную полноценность (дверь в дом предполагает исправный замок, а также действующие дверные петли, жилое помещение, используемое для сна, предполагает наличие кровати и хотя бы одной смены постельного белья; в целом для нормального функционирования сельского домохозяйства необходимы, помимо прочего, изгородь (даже символическая) вокруг участка, деревянный пол в доме (или другой, но не земляной), исправная печь, запас дров (не обломков изгороди и пола, используемых в качестве дров).

В этом доме живёт семья из трёх человек

С этой точки зрения для пространства жизнедеятельности экстремально бедных, в отличие от просто бедных, характерно отсутствие необходимых предметов.

Другим критерием является функциональное зонирование жилья и прилегающей территории (кухня, спальня, детская, рекреационная зона и т.д.). Слабое зонирование проявляется в том, например, что одно и то же помещение используется совершенно различными, порой взаимоисключающими способами. Например, в двухкомнатной квартире, занимаемой семьей из трех человек (родители и маленький ребенок), одна из комнат может быть заполнена различным хламом, являясь, фактически, нежилой, спальное место находится в кухне, семья живет в одной, меньшей по размеру, комнате. Надворные постройки не функционируют по прямому назначению, помещение для скота пустует или разбирается на дрова, огород зарастает травой.

Фрагмент интервью, женщина, около 40 лет:

В: Понятно. Вот эта квартира, это жилье ваше собственное?

О: Да.

В: Это сколько комнатное получается?

О: Ну, а там, дальняя спальня она холодная, мы там, считай... Ну, так она считается трехкомнатная. Две спальни, прихожая и кухня.

В: А в дальней спальне вы не живете?

О: Нет, она не обогревается.

В: Там печки нет?

О: Она сделана, что обогреватель туда не доходит.

В: Ясно, сколько квадратных метров у вас квартира?

О: Я даже не знаю.

В: Не знаете. А дом вообще старый, новый, сколько?

О: Старые они дома.

В: Старый.

О: Конечно, им лет по 30, наверное (информант права, это действительно типовые деревянные дома середины 1970-х годов. – Авт.).

В: Понятно. А ремонт требуется?

О: Вообще требуется, конечно. У нас потолок сыпется, на следующий год не знаю, как получится, но я вот сейчас на работе, конечно, и брус, это во всех домах эта проблема, они стоят на сыром месте, брус весь почти сгнил.

В: А фундамент есть какой-то?

О: Фундамент есть. Ну а ...как весной треснул, трещина во весь потолок.

Это одна из комнат дома с предыдущей фотографии

Третьим критерием является персональное зонирование, то есть закрепление определённых локусов и предметов за отдельными членами семьи. Например, личная кровать, тумбочка, комната или угол для игр детей. Крайним проявлением отсутствия такого зонирования является фактическая открытость дома экстремально бедных для всех желающих. Фактически это означает утрату контроля над пространством, его отчуждение, превращение в «не свое».

Дверь в дом была открыта, однако вместо хозяйки нас встретили только домашние животные

Второе измерение жизненного пространства – это социально-коммуникативное измерение. Для экстремально бедных характерно сужение коммуникативного пространства, обусловленное ослаблением или разрывом родственных связей, «выключением» из социальных сетей и механизмов солидарности как на уровне комьюнити, так и на уровне институциональных механизмов интеграции, в частности образования, замыканием в гомогенном, маргинальном пространстве (себе подобных). Как правило, экстремально бедные являются объектами стигматизации со стороны односельчан и, как следствие, оказываются в ситуации эксклюзии.

С точки зрения временных координат экстремально бедные, относящиеся ко второй подгруппе, находятся в специфическом временном измерении. У них отсутствует такая характеристика времени, как проективность. Нормальное функционирование предполагает не только жизнь в настоящем, но и наличие лично окрашенного будущего, умение его артикулировать. У экс-

тремально бедного такая перспектива отсутствует. Временная составляющая исчерпывается наличной ситуацией, настоящим. Какие-либо долговременные жизненные планы и в отношении себя, и в отношении детей артикулируются крайне слабо. Это, помимо прочего, означает неумение распоряжаться имеющимися материальными и нематериальными ресурсами (имуществом, деньгами, натуральной помощью, временем).

Эксперт – директор школы, мужчина, около 55 лет, другой эксперт – женщина, завуч, около 50 лет. Деревня, несмотря на трёхвековую (!) историю, находится на грани вымирания:

В: А бедная тогда по, вот, местным меркам, если не Маркелово (соседняя деревня), а местная?

О: Самая бедная только, у нас, вот, Буланова, она пенсию получает. А их трое и плюс сама четвертая. Вот прикиньте. А пенсия 2,5 тысячи на четверых разделить.

В: А она с детьми живет, да?

О: Да, да.

О 2: У Шумеровой Юли, у нее муж от спирта умер, и сама пьет. Долгосрочно уходит.

О: Ну, и сама пьет. Хозяйства никакого. Абсолютно у нее нет. И, помоему, огородом и не пахнет. Овощами.

О 2: Не выкопали они картошку.

С точки зрения исследовательской методики упомянутое обстоятельство означает целесообразность её корректировки, введение дополнительных индикаторов (персональное зонирование, проективные индикаторы – видение собственных жизненных перспектив, наличие сколько-нибудь долгосрочных жизненных планов в отношении самих себя и детей). В свою очередь, социальное исключение здесь означает не просто выпадение из социальной сети, но выпадение из пространственно-временного континуума социальной реальности.

5.

Уже начало 1990-х поставило значительную часть сельского населения в ситуацию культурного шока, поскольку нарушились привычные координаты жизнедеятельности. Однако в конце 1990-х – начале 2000-х произошла своеобразная адаптация. В ряде случаев селяне достаточно успешно интегрировались в систему рыночных отношений.

Цитата из интервью с одним из представителей администрации района (мужчина, около 45 лет):

Я приехал покупать теще поросят в Новошлынку. Хозяйка. Я говорю: мне нужно четыре поросенка. Она открывает задвижку, выпускает всех этих, 70 штук. Говорит: «выбери». Так вот. Я поймал, показал, каких мне надо, в мешок положил, загрузил в машину. Достая деньги рассчитываться. Она достает такую (показывает) пачку денег, сдачу мне дает. Я делаю для себя выводы: «Да, я в Шегарке занимаю такой пост, столько денег не имею».

Часть сельского населения (в нашем случае – первая категория, «благополучные» бедные) относительно адаптировались к наличным условиям. Од-

нако тревожной тенденцией является динамика роста экстремальной бедности, прежде всего второй подгруппы. Эксперты отмечают увеличение данной категории. В этой связи возникает **концептуальный вопрос**: можно ли говорить о формировании субкультуры бедности применительно к сельским бедным?

Можно выделить следующие **признаки субкультуры**:

- геттоизация;
- специфические нормы и ценности;
- специфические поведенческие стереотипы;
- собственная символика;
- жизненно-стилевые характеристики;
- специфический образ жизни, жизненные практики;
- механизмы трансляции культурных образцов.

В настоящее время в томском селе присутствуют в достаточно выраженной мере следующие жизненно-стилевые характеристики и элементы образа жизни:

- Элементы геттоизации: есть благополучные улицы, населённые крепкими хозяевами или середняками, дома, огороды, заборы и надворные постройки находятся в хорошем состоянии, улицы регулярно очищаются от снега, в летнее время разравниваются грейдером или бульдозером, есть неблагополучные «углы» с противоположными, соответственно, характеристиками.

Благополучная улица

Неблагополучный «угол»

– Специфический способ времяпрепровождения: «пошла по деревне» («И толку никакого (смеется) нет. С утра начинают, уже пошли по деревне. Спирт и прочее»).

– Выбор и характеристики работы, в основном даже не сезонной, а спорадической («кому огород копаешь, кому картошку посадишь», «кому дрова поколешь»).

– Психология «вэлферовских» родителей, при которой дети становятся средством (получения пособия).

Эксперт – директор школы, мужчина, около 55 лет, эксперт 2 – завуч, женщина, около 50 лет (вымирающая деревня):

О: Большая часть, как мы уже говорили, они плывут по течению. Опустили руки, ноги. Кто записался, кто вообще ничего не делает.

В: За счет чего вот такие люди выживают?

О: Я сам удивляюсь, за счет чего. У нас есть такая семья Пыхтеевых-Вешняковых. У них было...

В: Двойная фамилия?

О 2: У нее одна фамилия, у него другая.

О: Вроде бы, одна семья, но фамилии разные. У них детей было очень много. Семь или восемь человек. Но в свое время пили сильно. Их лишили родительских прав. И вот детей раскидали по всей стране, в детские дома. Часть усыновили, даже в Америке двое детей живут. Но факт тот, что

такая семья, в нынешнее время они не работают, я не знаю, как, за счет чего они живут. Правда, сейчас у них один ребенок остался.

О 2: После того, как детей забрали, еще появился.

О: Пораскидали.

О 2: Папа работает у них.

О: Работает. Но хозяйство в принципе они там, я не знаю, ничего практически не получают.

О 2: Сейчас они еще живут за счет того, что дети, которые из детского дома вернулись уже. Один живет в Шегарке, другой – в Кожевниково. И дети первым делом родителям помогают. Они же как дети-сироты считаются.

О: Получают пособие, да.

О 2: И дети едут к родителям. Несмотря на то, что их долгое время не было с родителями, они первым делом едут к родителям. Они каждый выходной ездят почти. Они помогают. Ту девочку, которая у них на руках, они роят, помогают родителям.

В: Помогают деньгами, по-другому?

О 2: Помогают деньгами и везут готовые уже и продукты, и одежду для девочки.

О: Хотя около дома они практически ничего не выращивают. То есть земля есть у них. Заниматься земледелием не хотят.

В: Сколько лет у них родителям?

О 2: Они молодые, сорок семь лет...

О: Да, сорок – сорок пять, наверное. Не больше, мне кажется. Нет.

В то же время возможность формирования субкультуры бедности в селе определяется перспективами самого села. Можно констатировать, что такая субкультура не формируется, поскольку село умирает. Отсюда парадоксальным образом следует, что в динамично развивающихся социальных общностях и поселениях формирование субкультуры бедности не исключено и, вероятно, будет усиливаться. Основание для утверждения – это проявление таких компонент субкультуры бедности, как геттоизация, которая уже просматривается в относительно благополучных и крупных сёлах (район ПМК в районном центре, с. Мельниково), образ жизни, сходные ценности и поведенческие установки, которые не транслируются, но проявляются в сходных условиях жизни.

Можно говорить о следующих факторах формирования субкультуры бедности, наличествующих уже сейчас:

1. Усиление социальной дифференциации: во-первых, резкая поляризация сама по себе формирует шкалу сравнений, во-вторых, имеет место формирование соответствующего рессантимента («Ну не любят у нас богатых»), в-третьих, развитие сельскохозяйственного рыночного производства в тенденции означает появление структурного спроса на неквалифицированную, сезонную, низкооплачиваемую и лишённую социальных гарантий рабочую силу.

2. Тенденция межпоколенной трансляции, которая обеспечивается не только действием социальных, экономических и культурных факторов, но и факторов биологических (родители-алкоголики, дети с врождёнными откло-

нениями, когда вырастают – становятся токсикоманами, что приводит к необратимым изменениям).

3. Разрушение традиционной сельской культуры (габитуса, как представления и практик, как рутинизированных моделей действия), которое означает в тенденции появление и седиментацию замещающих культурных комплексов, в том числе характеризующих бедность и экстремальную бедность.

Из экспертного интервью, мужчина, глава сельской администрации, около 50 лет:

В: Михаил Иванович, вот есть такое понятие еще «честная бедность». То есть люди не пьющие, но, вот, положение у них все равно материальное тяжелое достаточно. Ну, родители-одиночки или еще там какая-нибудь причина – такие есть у вас? Ну, то есть стараются что-то они как-то поддерживать себя на плаву, вот...

О: Ну, есть, наверное...

В: Но это не типично, да?

О: Но это не типично, вот, кто как бы вот, есть такое понятие «хватка», да, хозяйственная. Вот, у кого этой хватки нет, он, как бы, ну, привык плакать, обижаться на эту жизнь, сравнивать с прошлым временем. Ну, мы в новом времени живем... Ну, еще, конечно, большое, я считаю, влияние оказывает, когда, как бы, есть родство какое-то, и как-то вот они друг другу помогают и участвуют во всех этих процессах, есть на кого опереться. А если человек приезжий, один, у него, кроме рук, ничего нет. Он, конечно, на земле на этой не приживется. Здесь нужно, начиная, как бы, нет свободного времени, чтобы заняться чем-то, каким-то, по большому счету, хобби. Тут постоянно человек занимается, как ему прожить. Начиная с весны, огород посадить, скот нужно, допустим, пасти, содержать, осенью дрова заготовить на зиму, да? Постоянно это в таком ритме. Утром встал, сразу хозяйственные дела...

В: И до вечера?

О: В мир животных, потом идет на работу, вечером с работы приходит, опять в мир животных. Потом нужно печку натопить, нужно детей умыть, это все это. Вот такая вот, в принципе... постоянный кругооборот.

В: А вот приезжих много?

О: А если человек приехал, допустим, у него ничего нет, даже этой несчастливой пилы, чтобы дрова себе заготовить. Куда он идет? Идет кого-то просит нанять, с него за эти все услуги берут деньги. У него, естественно, их нет. И вот, он в таком безнадежном состоянии. Он не приживется просто. Ну, таких не много, но они есть... селянина вырастить, вот, надо... много времени, чтобы он любил село.

4. Предельно низкие стартовые возможности у детей из бедных семей. Даже наличие недвижимости не является значимым ресурсом, поскольку в большинстве обследованных нами сёл цены на неё крайне низки, и даже в случае продажи дома и участка за 25–30 тысяч рублей семья не получит средств, необходимых для переезда ребёнка в город и получения им образования.

Дом в этом селе продать невозможно и некому

Иллюстрацией темы низких стартовых возможностей служит фрагмент из интервью с экспертом:

Глава сельской администрации, мужчина, около 50 лет:

В принципе, есть даже желание найти работу, но его реализовать трудно, это желание. Ведь производства нет и в районном центре, там тоже очень сложно устроиться на работу. Найти работу, допустим, там, низкооплачиваемую, можно, но там нет жилья. Приходится ездить. Сейчас подняли цены на билеты, просто ужасная цена. Чтобы съездить в город (имеется в виду областной центр – Томск. – Примеч. авторов) туда и обратно, надо потратить 65–75 рублей. Для них это значительно. Если каждый день ездить, а заработки – 1500 рублей, то все деньги на дорогу, это бессмысленно. Ну и люди как-то от отчаяния, а потом привыкают. Потом они уже и не пытаются ничего искать, это затягивает, выпил – проблем нет.

Очевидно, что формирование субкультуры бедности будет зависеть от общей ситуации в сельской экономике (поступательное развитие, стагнация, депрессия), состояния рынка труда, существующих форм и методов социальной работы (распределительных или стимулирующих).

В этой связи примечательны следующие наблюдения членов исследовательской группы:

– У деревни женское лицо. Это означает, что, за исключением администрации и органов внутренних дел районного центра нас почти везде: в частных домах, на улице, в помещениях школ и клубов, в магазинах – встречали женщины. Мужчины – на вахте или на заработках в другом населённом пункте, либо умирают («в основном старичков нет в живых, они все ушли в мир иной, а бабушки остались»).

– Везде развитая инфраструктура: хорошие дороги, газ, телефон, жильё в изобилии, хотя, как правило, и требует серьёзного ремонта.

– В ряде населённых пунктов и ряде семей дети едят только в школе, поскольку родители не в состоянии кормить их самостоятельно. Администрации школ учитывают данное обстоятельство, поэтому у многих школ есть обширные приусадебные участки. На участках трудится персонал школ, ученики (причём достаточно охотно, с пониманием), иногда дееспособные родители. Выращенные овощи поступают в школьную столовую, а излишки реализуются на рынках г. Томска. Подобная практика, абсолютно оправданная и даже необходимая, связана с личной инициативой представителей школьных администраций и предполагает трату их (а также иных участников) времени, сил и иных ресурсов.

Эксперт – директор школы, мужчина, около 55 лет, эксперт 2 – завуч, женщина, около 50 лет (умирающая деревня):

О: Ну, мы его взяли. Ну, что будет пацан, помрет где-нибудь с голода. А здесь он хоть покушает. Бесплатно кормим все равно. Уж там учиться ладно.

В: Много таких детей, которых бесплатно нужно кормить?

О: Да нужно, мы всех кормим.

О 2:К. Все дети бесплатно кормятся.

В: 23 вы говорили?

О: Да, всех.

В: То есть у всех такие семьи?

О: Ну, нет, не все. Вот о тех семьях, о которых мы говорили сейчас, – это уже четверо детей.

О 2: Еще к нам набираются.

О: Минус четыре, да. Еще есть некоторые. Но, по крайней мере, 15 человек, которых надо обязательно кормить.

В: То есть они голодные?

О: Они голодные утром приходят практически, да. Практически да. Те же вот Романовы. Их двое. Мама, она вроде бы и работает в «Сеал-Агро» на ферме. Но одновременно она же и употребляет. Значит, деньги эти детям практически не доходят. Мы их практически всем миром одеваем, обучаем, кормим.

В: Через школу все это идет?

О: Ну, через школу, через соцзащиту, мы все, это, обращаемся туда. А там эта категория известная, список. Всем что можно привозят. Даже привозят готовое. Обувь, одежду. Ну, а питаться. Я уже говорил, как мы здесь выкручиваемся.

В: Садите?

О: Огород сажаем, да. Продаем. Часть этих денег мы пускаем на продукты питания. Ну и себе оставляем на все это.

– У экстремально бедных особая структура питания (основа продовольственной корзины – это лапша, крупа) и ритм потребления. В отношении ритма различаются первая и вторая категория экстремально бедных. Первые планируют расходы (техничка из сельской школы планирует купить компьютер в

кредит), платят за «коммуналку». У вторых потребление неритмичное, расходы хаотичные.

На подоконниках в коридоре капуста для школьной столовой

Одним из важных показателей благосостояния семей является характер и структура расходов, в частности доля расходов на питание (данные начала 2004 г.).

В период опроса расходы на покупку продуктов питания в абсолютном денежном измерении были относительно невелики, 67 % опрошенных тратило до 500 рублей в неделю, что многие респонденты объясняют наличием подсобного хозяйства. Но если мы посмотрим, какую долю в структуре всех расходов занимают расходы на питание, картина несколько меняется.

У 74 % семей, даже несмотря на наличие подсобного хозяйства, на питание идет половина либо большая часть расходов, и это очень высокий показатель, свидетельствующий о том, что многие из них находятся за чертой бедности, о чем свидетельствует и размер получаемых доходов. Разумеется, в данном случае скорее можно говорить не об абсолютной, а об относительной бедности, люди не голодают, но многие семьи вынуждены существенно ограничивать круг своих потребностей.

Очевидно, что социально-экономическое положение определяет социальное самочувствие населения и видение им жизненных перспектив. Среди проблем, отмеченных в качестве наиболее значимых для населения, на первом месте со значительным отрывом находится «отсутствие работы» – 86 %, на втором «коммунальное обслуживание» – 37 %. Более четверти ответивших (28 %) называют такую проблему, как «безразличие, невнимание со стороны районных и поселковых властей». Эта проблема находится на третьем месте. Последнее, по-видимому, можно объяснить не только реальной деятельностью местных и районных администраций, но и психологическими фактора-

ми: обвинение властей в отсутствии внимания является превращенной формой стремления снять с себя ответственность за собственную бездеятельность и безынициативность.

Важность проблемы существования экстремально бедных связана не столько с их численностью, сколько с тем, что данный контингент представляет крайний случай социальной дезадаптации. Фактически для такой категории характерна трансформация предельных экзистенциальных оснований, вследствие чего обычные каналы социальной адаптации оказываются для них малоэффективными. Кроме того, имеет место тенденция к межпоколенной трансляции экстремальной бедности, что в перспективе ведёт к формированию специфической субкультуры сельских нищих.

В целом, сложное, для некоторых семей катастрофическое, положение обусловлено как сложным экономическим положением села, так и слабой артикулированностью социальной политики в отношении различных категорий сельских семей.

Литература

1. O'Neill W. American High. The Free Press. New York, 1986. 324 p.
2. Watson T.J. Sociology, Work and Industry. London: Routledge, 1997. 426 p.
3. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
4. Davies K. and Moore W.E. Some principles of stratification // American Sociological Review. 1945. № 10. P. 242–249.
5. Lewis O. The Culture of Poverty. Scientific American, vol. 215. October, 1966. P. 19–25.
6. Lewis O. A Study of Slum Culture New York: Random House, 1968.
7. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998. 282 с.
8. Овчарова Л.Н. Бедность в России // Мир России. 2001. № 1. С. 171–178.
9. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. 408 с.
10. Wolf M. Globalization and social exclusion: Some paradoxes // Social exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 86–94.
11. Gore Ch. Introduction: Markets, citizenship and social exclusion // Social exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 67–85.
12. Tausend P. Deprivation // Journal of Social Policy. 1987. Vol. 16, part 2. P. 125–146.